

художник в конкретном понимании и широком смысле слова, он из тех, благодаря кому возникло понятие «визуальный театр». Ему, эстету, философу, поклоннику буддизма и балетов Баланчина, удалось то, к чему стремятся многие, но достигают избранные, — создать собственный театральный язык, уникальную систему художественных приёмов, безошибочно узнаваемый индивидуальный стиль. Этот стиль уже стал предметом подражания и породил массу эпигонов, но, как известно, самым добросовестным копиям до подлинника далеко.

ИДЕЯ СОЕДИНИТЬ УИЛСОНА И КУРЕНТЗИСА ПРИНАДЛЕЖАЛА ИМЕННО МОРТЬЕ

В новой постановке Уилсон, как обычно, един в нескольких лицах: режиссёр, сценограф, автор световой концепции. И те, кто помнит его «Мадам Баттерфляй» 10-летней давности в Большом театре, кто совсем недавно восхищался «Сказками Пушкина» в Театре Наций, кому посчастливилось видеть и другие его постановки, вряд ли скажут, что в пермской «Травиате» Уилсон кардинально изменился. Его стиль по-прежнему узнаваем. Вновь космически пустое пространство сцены, из которого изгнаны любое бытоподобие, конкретика, намёки на вещную среду, но наполненное изумительно прекрасным и точным (в соответствии с музыкой) светом. Реальные люди из плоти и крови его не интересуют, и появляются странные персонажи с выбеленными лицами. В истоках их вычурной пластики и жестикуляции чудятся законы неведомых ритуалов. Но если приглядеться, многое оказывается знакомым: японский театр Но, эстетика театрального авангарда начала прошлого века... На память придут гравюры и литографии с изображением героев барочных опер и балетов. И пожалуй, главное — Уилсон отменяет хронотоп: нет ни времени, ни места действия, всё происходящее обретает статус мифа. Он, словно Кай из «Снежной королевы», из любого сюжета всегда складывает слово «вечность».